УДК 325.11(479.22)792(09)

Зухба Мадина Ивановна

аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета madinazukhba@mail.ru

Zukhba Madina Ivanovna

post-graduate student of chair of new, newest history and international relationships, Kuban State University madinazukhba@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГРУЗИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ (ВЗГЛЯД ИЗ АБХАЗИИ)

TOWARDS THE PROBLEM OF REPATRIATION OF GEORGIAN REFUGEES (VIEW FROM ABKHAZIA)

Аннотация:
В статье, посвященной проблеме возвращения грузинских беженцев на территорию Республики Абхазия, автор анализирует некоторые ее историко-правовые и политические аспекты. Обобщая данные и официальную позицию МИД РА по проблеме грузинских беженцев, покинувших территорию Республики Абхазия после грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг., автор предлагает формирование новых механизмов и форматов для гармонизации процесса возвращения грузинских беженцев в независимое государство – Республику Абхазия.

Ключевые слова:
грузино-абхазский конфликт, грузинские беженцы, верификация беженцев, механизмы возвращения.

The summary:
In the article, dedicated to the problem of repatriation of the Georgian refugees to the territory of Abkhazia, the author analyzes some historical, legal and political aspects of this problem. Summarizing the data and the official position of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Abkhazia on the problem of Georgian refugees, who left the territory of the Republic of Abkhazia after the Georgian-and-Abkhazian conflict in 1992–1993, the author suggests creating the new mechanisms and formats for the repatriation of Georgian refugees to the independent state – the Republic of Abkhazia.

Keywords:
Georgian-and-Abkhazian conflict, Georgian refugees, verification of refugees, repatriation mechanisms.

Проблема возвращения грузинских беженцев, вынужденных покинуть территорию Абхазии в результате грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг., носит амбивалентный характер – политический и гуманитарный для всех участников процесса урегулирования. В силу неурегулированности грузино-абхазского конфликта, оказывающего непосредственное влияние на безопасность в Кавказском регионе, исследование данной проблемы представляется весьма актуальным. Проблемность ситуации заключается в диаметрально противоположных позициях сторон по рассматриваемой проблеме: Грузия настаивает на территориальной целостности и массовом возвращении беженцев на территорию Абхазии. Абхазия отстаивает право абхазского народа на самоопределение, а также считает возможным решение проблемы беженцев с учетом международного опыта и местной специфики.

С целью решения проблемы беженцев, абхазская сторона, исходя из положения Четырехстороннего соглашения о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц от 4 апреля 1994 г., а также решения президента Абхазии В.Г. Ардзинба, в марте 1999 г. в одностороннем порядке инициировала процесс возвращения беженцев в Гальский район Абхазии. В том же году была создана Комиссия по Гальскому району, которая занималась решением вопросов, связанных с социально-экономической реабилитацией района и созданием условий для организованного и безопасного возвращения беженцев. По словам возглавлявшего Комиссию тогдашнего первого вице-премьера Абхазии К. Озган, грузинская сторона не была заинтересована в возвращении беженцев и использовала их в качестве инструмента давления на абхазское руководство. «В ход шли запугивания, у людей отбирали паспорта, угрожали лишить их гуманитарной помощи, предоставляемой международными гуманитарными организациями. Во время очередной встречи членов правительственной комиссии с местным населением в Гальском районе прогремел взрыв, в результате которого несколько человек, в том числе и члены комиссии, получили ранения различной степени тяжести. Эти действия были направлены на то, чтобы посеять страх среди добровольно вернувшегося в свои дома местного населения, а также для того, чтобы продемонстрировать мировому сообществу якобы неспособность руководства Абхазии навести порядок в проблемном регионе. Когда стало очевидно, что грузинская сторона не собирается способствовать возвращению беженцев, а лишь мешает этому процессу, работа правительственной комиссии была приостановлена» [1]. По данным абхазской стороны, на территорию Республики Абхазии, преимущественно в Гальский район все же вернулось более 60 тысяч людей. Проживание этнических грузин на территории Абхазии не ограничивается лишь Гальским районом. По данным Управления государственной статистики Республики Абхазия, к 1 января 2008 г. в остальных городах Абхазии проживает 13 329 грузин. В том числе в Гагрском районе проживает 1 138 грузин; в г. Сухум – 1 821, в Гудаутском районе – 669, в Сухумском районе – 208, в Гулрыпшском районе – 729; в Очамчирском – 1 970 и в Ткварчальском – 6 794 человек [2, с. 24].

На протяжении шестнадцати послевоенных лет документом, определявшим правовые гарантии обеспечения безопасности между сторонами, являлось Московское соглашение о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 г. Однако 26 августа 2008 г. после признания Российской Федерацией независимости Республики Абхазия руководство Грузии заявило о своем выходе из Московского соглашения. По словам Сергея Шамба, являвшегося к тому времени главой МИД Абхазии, после выхода Грузии из Московского соглашения у Абхазии нет никаких обязательств по возвращению беженцев на свою территорию [3].

Правовые аспекты статуса грузинских беженцев сегодня требуют четкой регламентации. Абхазская сторона, разграничивая понятия «беженцы» и «внутренне перемещенные лица» (ВПЛ – официальная терминология, используемая грузинской стороной), под понятием «беженцы» признает грузинское население,

покинувшее территорию Абхазии в период боевых действий 1992–1993 гг. и после. Данная категория лиц находится на сопредельной с Республикой Абхазия территории другого государства – Республики Грузия. Под категорию ВПЛ, в свою очередь, попадают люди, которые вынуждены были покинуть места обычного проживания в связи с войной и разрушениями домов в пределах Абхазии [4]. В свою очередь, некоторые абхазские исследователи, отмечают, что категория «беженцы» или «внутренне перемещенные лица» вообще не может быть применена к лицам грузинской национальности, покинувшим территорию Абхазии в ходе грузино-абхазского конфликта. В частности, как отмечает Т.М. Шамба, этнические грузины, вернувшиеся на свою историческую родину – Грузию, являются не «беженцами» и не «вынужденными переселенцами», а «репатриантами» [5, с. 207–209]. Термин «репатрианты» применим ко многим картвельским субэтносам, в том числе и мингрелам, которых во второй половине XIX в. активно начали заселять на опустевшие после Кавказской войны и махаджирства абхазские земли. Переселению предшествовала активная пропаганда грузинской периодики [6, с. 34–52] . Таким образом, уже в начале 80-х гг. XIX в. мегрелами были заняты бывшие абхазские села: Абжаква, Мерхеул, Пшап, Акапа, Гумиста, Келасур, Багажвяшта, Мачара, Гульрипш, Багбаран, Бабушара, Уарча, Наа и др. Политика насильственной миграции грузинского населения на территорию Абхазии продолжилась и в советский период по программе Абхазпереселенстрой, санкционированной руководством Грузии. В связи с этим возникает вопрос правомочности претензий грузинских беженцев на исконную принадлежность к Абхазии и возвращение на всю ее территорию.

Абхазская сторона строго разграничивает категорию лиц, являющихся беженцами – жертвами войны и военными преступниками, не подпадающих под определение «беженцы» и автоматически лишающихся предоставляемой беженцам международной защиты. Так, по словам министра иностранных дел РА Максима Гвинджия, абхазская сторона обладает достоверной информацией о том, что среди тех, кто желает вернуться в Абхазию, существует категория лиц, совершивших преступления против народа Абхазии во время войны 1992–1993 гг. [7]. Получается, что большое количество людей, которые покинули территорию Абхазии, не могут являться или носить статус беженцев и требовать возвращения на ту территорию, где они принимали участие в военных действиях. Кроме того, по словам М. Гвинджия, как минимум треть беженцев из Абхазии в поисках лучшей жизни и заработка выехала за пределы своей исторической родины – Грузии. Многие из обосновавшихся за рубежом беженцев приобрели гражданство страны своего нынешнего проживания. Получение двойного гражданства не предусматривается законодательством Грузии, более того, в соответствии со ст. 10 Закона Грузии о беженцах, статус беженца прекращается в случае, если: а) лицо приобрело гражданство Грузии или другой страны; б) лицо добровольно воспользовалось защитой страны, территорию которой вынужденно покинуло; в) лицо покинуло пределы Грузии на постоянное место жительство [8]. Следовательно, количество людей, подпадающих под категорию «беженцев» и имеющих легальное право на возвращение в Абхазию из Грузии, намного меньше, чем это заявляет грузинская сторона. Таким образом, можно предположить, что предпринимаемые Грузией шаги по решению проблемы беженцев вызваны не столько стремлением к социальной интеграции и натурализации этой категории граждан в соответствии со ст. 34 Конвенции о статусе беженцев, сколько с решением вопроса восстановления территориальной целостности.

Вместе с тем, исходя из существующей международной практики, включая практику УВКБ, известны следующие предварительные условия возвращения беженцев: 1) решение проблемы безопасности; 2) добровольная репатриация; 3) содействие интеграции и ассимиляции беженцев в стране первого убежища или в стране их расселения. В условиях политической неурегулированности – уклонения Грузии от подписания Договора о неприменении силы и таким образом пребывания в состоянии «ни войны, ни мира», физическая безопасность беженцев, равно как и всего населения Абхазии, может быть под угрозой. Внутренняя безопасность беженцев, их реинтеграция в абхазское общество во многом зависят от грузинских настроений по отношению к абхазам и наоборот. Государственные структуры, отвечающие за предоставление внутренней безопасности беженцам, вряд ли смогут изменить личное отношение абхазского населения к беженцам, вызванное отсутствием мер доверия, психологического неприятия абхазами факта возможного сосуществования. Если официальная позиция сторон известна и должным образом изучена, то мнение гражданского населения Абхазии малоисследованно и не проанализировано. Между тем любые решения на официальном уровне должны учитывать отношение населения к ключевым вопросам урегулирования, поскольку именно представления простого населения о возможности и условиях сосуществования и совместного проживания определяют степень жизнеспособности того или иного решения. Кроме того, чтобы реализовать план возвращения беженцев, необходимо разработать программу социальной реабилитации и интеграции беженцев, решить вопрос демографического дисбаланса, вернуть уехавших из Абхазии евреев, греков, армян, русских и представителей абхазской диаспоры – махаджиров (абхазских беженцев XIX столетия), проживающих за рубежом и желающих вернуться на свою историческую родину.

Процесс возвращения грузинских беженцев сегодня многими рассматривается как массовое добровольное решение – желание последних. Вместе с тем неизвестно, какая часть беженцев не желает возвращаться на территорию Абхазии, все еще испытывая чувство вины и моральной ответственности, опасения, страха преследования, вызванного отсутствием необходимых условий для безопасного и достойного возвращения. В свою очередь, принудительная репатриация нарушает, как нормы международного гуманитарного права, так и противоречит внутреннему законодательству Грузии (речь идет о принципе «non-refoulment» или институте невысылки, зафиксированном во многих международных документах, среди которых, помимо ст. 33 Конвенции о беженцах 1951 г., можно выделить документы, принятые под эгидой ООН. «Принцип невысылки» оговаривается и в ст. 8 Закона Грузии о беженцах: «Не допускается до прекращения обстоятельств, приведенных в пункте первом настоящего Закона, возвращение беженца против его воли в страну его постоянного проживания или гражданства» [9]). По сути, призванная помочь

беженцам миграционная политика, усилия специальных международных организаций по делам беженцев могут стать депортацией и насильственным перемещением.

Обобщая вышеизложенный материал и исходя из основных принципов международного гуманитарного права, новых сложившихся реалий, а именно – признания независимого статуса Республики Абхазия Российской Федерацией, Венесуэлой, Никарагуа, Республикой Науру, следует отметить, что процедура возвращения/невозвращения (принцип невысылки ст. 33. Конвенции о статусе беженцев) беженцев в независимое государство – Республику Абхазия требует формирование новых механизмов и форматов. Среди таких механизмов, на наш взгляд, необходимо выделить следующие:

1) создание гарантий безопасности конфликтующими сторонами – выход Грузии из базового Московского Соглашения, определявшего условия мирного процесса, создает правовой вакуум в обеспечении мира и стабильности между сторонами. В условиях отсутствия Договора о неприменении силы, учитывающего интересы обеих конфликтующих сторон, не может быть гарантировано достойное и безопасное возвращение грузинских беженцев;

2) до создания механизмов безопасности осуществление при поддержке УВКБ процесса регистрации, верификации и профилизации грузинских беженцев в целях формирования информационной базы данных лиц: а) уже вернувшихся на территорию Абхазии; б) не подпадающих под определение «беженцы»; в) нежелательных для возвращения в Абхазию (военных преступников); г) готовых и желающих вернуться в суверенное государство – Республику Абхазия; д) желающих натурализоваться на территории Грузии;

3) в целях содействия добровольного возвращения предоставление беженцам объективной информации о существующих условиях в стране прежнего проживания (Республики Абхазия);

4) создание условий для интеграции и социальной адаптации на территории государства нынешнего пребывания (Республики Грузия) беженцев, не желающих вернуться в места их прежнего проживания;

5) всеобъемлющий независимый анализ мнения населения Абхазии по вопросу возвращения грузинских беженцев;

6) равноправное участие сторон во всех политических процессах, на которых обсуждается данная проблема.

Ссылки:

1. Интервью автора с председателем Совета старейшин Абхазии Озган К.К. (04.07.2010).
2. Абхазия в цифрах за 2008 год. Сухум, 2009.
3. Для возвращения беженцев в Абхазию нужна правовая база. URL: http://news.km.ru/dlya_vozvrashheniya_bezhenczev_v
4. Интервью автора с начальником международного отдела МИД РА Агрба Л.А. (12.10.2010).
5. Шамба Т.М, Непрошин А.Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2005.
6. Этническая «революция» в Абхазии. Сборник документов. Сухум, 1995.
7. Интервью автора с министром иностранных дел Республики Абхазия Гвинджия М.Х. (08.10. 2010).
8. Закон Грузии о беженцах. URL: http://reflaw.narod.ru/HTMLs/lows/georgia/ref_geor.htm.
9. Там же.

References (transliterated):

1. Author's interview with the chairman of the Council of Elders of Abkhazia Ozgan K.K. (07.04.2010).
2. Abhaziya v tsifrah za 2008 god. Suhum, 2009.
3. Dlya vozvrashcheniya bezhentsev v Abhaziyu nuzhna pravovaya baza. URL: http://news.km.ru/dlya_vozvrashheniya_bezhenczev_v
4. Author's interview with the head of International Department of Ministry of Foreign Affairs Agrba L.A. (12.10.2010).
5. Shamba T.M, Neproshin A.Y. Abhaziya: Pravovye osnovy gosudarstvennosti i suvereniteta. M., 2005.
6. Etnicheskaya «revolyutsiya» v Abhazii. Collection of documents. Suhum, 1995.
7. Author's interview with Minister of Foreign Affairs of the Republic of Abkhazia Gvindzhia M.H. (08.10. 2010).
8. Zakon Gruzii o bezhentsah. URL: http://reflaw.narod.ru/HTMLs/lows/georgia/ref_geor.htm.
9. Ibid.